

ПРЕДЫДУЩЮЮ картину Эльдара Рязанова «Ирония судьбы...» увидели десятки миллионов человек — чуть ли не все взрослое население страны. Разговоры об этой картине занимали нас многие месяцы. Центральное телевидение получило тонны писем, наполненных веселой благодарностью.

Новый кинофильм Эльдара Рязанова «Служебный роман» еще мало кто видел, но разговоры о нем уже начались. Это естественно, поскольку место, занимаемое Рязановым в кинематографе, четко определено его предыдущими работами. Это такое место, на котором, казалось бы, вдруг, ни с того ни с сего, с какого-нибудь забавного анекдота вырастает веселая, шумная роцка подлинной жизни, где все деревья растут, и каждое по-своему, и ни одно из них не похоже на другое. Это — место, где люди живут, а не функционируют, разговаривают, а не острят, любят, а не прикидываются, и — что очень существенно — не выпрашивают ни смеха, ни аплодисментов, столь необходимых комедийному кино по его жанровым задачам.

Взгляд Рязанова — участливое добродушие. Он любит своих героев, не делая их на положительных и отрицательных. У него хватает сердца на всех. Но, любя своих героев и желая им всего наилучшего, он вовсе не нянчится с ними и не золотит им пилюлю. Он прямодушно показывает их такими, какие они есть на самом деле.

Потому что он — добр, а не сентиментален.

Главным героем новой картины Эльдара Рязанова является город. Мы смотрим на экран и узнаем его дома, вокзалы, электрички, проспекты, площади, переходы, перекрестки. Мы слышим его беспощадный грохот и добродушное ворчание. Мы видим его мелькающие цвета и спокойные цветы. И, зная его наизусть, мы все-таки поражаемся — неужели он так громаден?!

Мы — это мы с вами, каждый из нас — отдельная, неотличимая, равнозначная точка, равнозначная и взаимозаменяемая среди миллионов себе подобных, щедро рассыпанных на экране.

И оператор словно кидается вниз, со всеобъемлющей высоты, с неба на землю, чтобы на конкретных примерах доказать нашу якобы всеобщую идентичность. Он попадает в давку, в толчку, которую мы устраиваем, когда нам куда-то или чего-то надо. Вот мелькнула вывеска.

Какое-то «Статистическое учреждение». Оператор нацелился весьма точно. Ему повезло. Должно быть, в этом учреждении мы все оприходованы и запроцентованы вдоль и поперек.

Вроде бы все мы одинаковы, то есть каждому из нас нужно то же, что нужно каждому из нас.

Что же? А всего ничего. Счастье!

стенчив и способен краснеть, как невеста. Он даже не пьет, что и вовсе отсекает его от мужского сословия.

Естественно, в учреждении имеется начальник. Он выше всех не только положением, но и этажом. У него есть все, чтобы удовлетворить мужское честолюбие: должность, престиж, шофер, подпись и печать.

Л. ЛИХОДЕЕВ

«Лит. газета» 1977, 23 июля, стр. 47.

ДОБРОТА

«СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН». ПРОИЗВОДСТВО КИНОСТУДИИ «МОСФИЛЬМ»

И выясняется тогда, что вовсе мы не равновелики и не взаимозаменяемы!

Впрочем, если и взаимозаменяемы, то только в том смысле, что о каждом из нас, вероятно, можно рассказать неожиданную историю. Таков, как мне кажется, взгляд Рязанова. В его картинах действуют главные герои, и второстепенные, и едва заметные. Но картины эти оставляют такое впечатление, что займись режиссер самой заметной ролью — и тут же развернет новую щедрую историю.

И еще одна особенность: действие картины Рязанова развивается как бы само по себе, не следуя ни сценарию, ни режиссерскому метафону. Повороты в судьбах героев происходят неожиданно, вследствие естественных, обыденных причин. Но вместе с тем они происходят в точной зависимости от характеров героев. Повороты эти происходят будто бы сами по себе, но — непременно в моменты, точно отмеренные вкусом и тактом. Это относит рязановскую картину к тем счастливым произведениям, которые можно читать-перечитывать или смотреть-пересматривать заново. Наверное, Рязанов и сам смеется веселым неожиданностям своих картин.

...Итак, Рязанов случайно заглянул в учреждение, случайно прихватив с собою оператора. Интересно, на ком он остановит взор?

Например, на этом служащем, у которого ушла жена. Отчего она ушла — их дело, но, впрочем, глянув на него, можно догадаться, что героя в нем никакая она не обнаружила. Она его бросила и оставила ему двух сорванцов. А он — чудак. Он шьет, стряпает, летает по магазинам, водит детей в школу и в детский сад. И, естественно, как всякая домашняя хозяйка, работает на производстве. Он скромн, за-

А между тем этот начальник — женщина. Убедиться в этом можно с первого взгляда, поскольку начальник не носит ни усов, ни бакенбардов.

По линии стирания граней наибольших успехов мы достигли в деле стирания граней между мужчиной и женщиной. Это нас смешит и печалит, забавляет и настораживает. Рязанов всегда занимает житейская суть, подробности жизни.

Итак — подчиненный и начальница. Интересно.

Разумеется, нам сразу становится ясно, что эти два лица с разных этажей должны полюбить друг друга, иначе не будет картины. Но, забыв о своей догадливости, мы во все глаза смотрим: как же это у них произойдет? Мне кажется, Рязанов ставит зрительскую пронительность значительно выше своей. Он уважительно признает за зрителем первое место в вопросах догадливости. Зритель уже догадался, а Рязанов еще нет. Но зато, когда догадался Рязанов, зритель вспыхивает радостным смехом: неожиданного узнавания. И с новыми силами начинает догадываться дальше, «поперед режиссера». А рязановское добродушие заключается, между прочим, и в том, что он не суетится перед зрителем. Он делает картину так, как будто сам еще не знает, что будет дальше...

Для того чтобы видеть героя впервые, для того чтобы он жил на свете, а не выполнял обязанности в картине, нужно тщательно выбирать актера на роль этого героя. Нужно подобрать соратников. У Рязанова подобрались все «те». Сценарий он написал с полным своим соавтором-единомышленником Э. Брагинским, оператор — у него — В. Нахабцев, композитор — А. Петров и блестящие актеры.

Алиса Фрейндлих играет уютную, домовитую, не-

Кадр из фильма. В ролях — А. Мягков и А. Фрейндлих

обыкновенно женственную особу, начисто сбитуую толку обстоятельствами. Служебная акселерация вознесла ее высоко, раздав ей трогательную ответственность. С ней считают высокие инстанции, и ее не проведешь по службе (это и в голову никому не придет!), но она наивна, проста и беззащитна, когда под рукою нет телефона, а за стеной — секретарши. Ее нравственное образование осталось в девятом классе, когда уже знают стихи Пастернака, но еще могут поверить коварному соблазнителю. Алиса Фрейндлих — артистка неуемная. Она играет не только свою героиню, но и лиц, которые имели или имеют отношение к ней, не показываясь на экране. Когда начальница робко говорит о своем неудачном романе, мы ясно видим дурака, который упустил такую бабу.

Андрей Мягков показывает маленького служащего с такими твердыми нравственными понятиями, что мы забываем его незаметный лик в начале картины. Этот служащий значителен, мужествен и добр, как и подобает настоящему человеку.

Призывы быть мужчиной переполнили не только нашу комедиографию. Рязанова затронул другой призыв — будь женщиной, может быть, это поможет кому-то стать мужчиной.

Надо полагать, концепция Рязанова — доброта. Должно быть, в ней он видит решающую силу нравственности, мудрости и обыденную привлекательность. Доброта эта не только составляет содержание главных характеров, она является также атмосферой картины. Даже так называемый отрицательный тип — этот неприменный Яго всякой приличной любовной истории — уходит с экрана, унося определенные шансы на то, что, прежде чем сделать гадость, он подумает, не дадут ли ему по физиономии. То есть он уходит, прихватив определенный запас нравственной настроенности. Рязанов не казнит его. Рязанов терпеливо надеется...

Для того чтобы было смешно, нужно внимательно присматриваться. Тогда будет и смешно, и грустно, и умно. Новая картина Рязанова — еще одно тому доказательство.